

Осёл / новелла

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Осёл / новелла ОСЁЛ

Луи Ле Пуатвену

Ни малейшего движения не чувствовалось в густом, заснувшем над рекой тумане. словно тусклое облако хлопка легло на воду. Даже высокий берег нельзя было различить в причудливых клубках тумана, зубчатых, как горная цепь. Но с приближением рассвета начинал вырисовываться холм. У его подножия, в зарождающихся проблесках зари, мало-помалу большими белыми пятнами выступили оштукатуренные домики. В курятниках пели петухи.

Там, по ту сторону реки, окутанной дымкой, как раз против Фретты, легкие звуки нарушали на мгновение великую тишину безветренного неба. Слышался то еле внятный плеск, словно осторожно пробиралась лодка, то сухой удар, как будто стукнуло весло о борт, то падение мягкого предмета в воду. Затем снова тишина.

Иногда же, неизвестно откуда, быть может, очень издалека, а может, и совсем близко, в этих мутных сумерках слышались тихие слова, звучавшие на земле или на реке, и так же робко скользили и исчезали, как те дикие птицы, которые провели ночь в тростниках и с первыми проблесками, зари пускаются в путь, чтобы снова лететь куда-то, которых можно увидеть только на одно мгновение, когда они во весь дух пересекают туман, испуская нежный и боязливый крик, будя своих сестер в прибрежных скалах.

Вдруг у берега, против деревни, на воде появилась едва заметная тень; затем она стала расти, сгущаться и, наконец, выйдя из туманной завесы, наброшенной на реку, в травянистый берег уткнулась плоскодонка, в которой находились два человека.

Тот из них, что сидел на веслах, поднялся, взял со дна лодки ведро, наполненное рыбой, и вскинул на плечо сеть, с которой

еще струилась вода. Его компаньон, не трогаясь с места, сказал:

– Принеси-ка ружье, может, спугнем какого кролика в береговых откосах, а, Мальош?

Тот ответил:

– Идет. Подожди, я сейчас вернусь.

И он удалился, чтобы припрятать улов в безопасное место.

Человек, оставшийся в лодке, медленно набил трубку и закурил.

Его звали Лабуиз, по прозвищу Шико [1], и он объединился со своим кумом Мальошоном, сокращенно Мальошем, для занятия подозрительным и случайным воровским промыслом.

[1] Chicot (франц.) – пень, пенек.

Они были плохими матросами и занимались в плавание только в голодные месяцы. Остальное время они грабили. День и ночь блуждая по реке, выслеживая всякую добычу, мертвую или живую, они были водными браконьерами, ночными охотниками, чем-то вроде пиратов сточных труб; они то подстерегали косуль в Сен-Жерменском лесу, то разыскивали утопленников, плывущих под водой, и обчищали их карманы, то подбирали уносимые течением тряпки, куски дерева и пустые бутылки, горлышки которых торчали над водой и покачивались, как пьяные. Лабуиз и Мальошон были довольны своей жизнью.

Иногда около полудня они бродили пешком и шли не спеша, куда глаза глядят. Они обедали где-нибудь в трактире на берегу реки и снова вместе отправлялись дальше. День или два они отсутствовали, а потом как-нибудь утром их снова видели плывущими в их дрянной лодчонке.

В это время где-нибудь в Жуенвиле или в Ножане гребцы в отчаянии разыскивали исчезнувшую ночью шлюпку, отвязанную кем-то, уплывшую и, без сомнения, украденную, а в двадцати или тридцати лье оттуда, на Уазе, какой-нибудь буржуа-собственник потирал руки, любясь лодкой, купленной им накануне по случаю за пятьдесят франков у двух людей, которые мимоходом, сами неожиданно предложили продать ее.

Мальошон вернулся с ружьем, завернутым в тряпку. Это был

человек лет сорока или пятидесяти, высокий, худой, с бегающим взглядом, как у людей, постоянно опасющихся за свою судьбу, и у животных, которых уже не раз травили. Расстегнутая рубашка открывала грудь, заросшую серой шерстью, но на лице у него, по-видимому, никогда не было другой растительности, кроме щетки коротко подстриженных усов и клочка жестких волос под нижней губой. Он лысел начиная с висков.

Когда он снимал грязную лепешку, служившую ему картузом, кожа на его голове казалась покрытой легким пухом, какой-то тенью волос, как у ощипанного цыпленка, которого нужно еще опалить.

Наоборот, Шико был красный и весь в угрях, толстый, коротенький и волосатый, его лицо под фуражкой сапера напоминало собою сырой бифштекс. Левый глаз у него был всегда прищурен, словно он во что-то или в кого-то целился, и когда над его тиком шутили, говоря: «Открой глаз, Лабуиз», – он отвечал спокойным тоном: «Не бойся, сестрица, при случае я его открою». Между прочим, у него была привычка всех называть «сестрицей», вплоть до своего товарища по воровству.

Теперь была его очередь взяться за весла, и лодка снова нырнула в неподвижный речной туман, который становился уже молочно-белым в розовом сиянии просветлевшего неба.

Лабуиз спросил:

– Какую ты взял дробь, Мальошон?

Мальошон ответил:

– Самую мелкую, девятку, ту, что для кроликов. Они приближались к другому берегу так тихо, так осторожно, что ни малейший шум не выдавал их. Этот берег принадлежит к Сен-Жерменскому лесу, где запрещена охота на кроликов. Он покрыт норками, скрытыми под корнями деревьев, и зверьки резвятся там на заре, скачут взад и вперед, вбегая и выбегая из нор.

Мальошон, стоя на коленях впереди, высматривал добычу, спрятав ружье на дне лодки. Вдруг он схватил его, прицелился, и выстрел раскатисто прозвучал в деревенской тишине.

В два удара весла Лабуиз был у берега, и его компаньон, прыгнув на землю, поднял маленького, еще трепетавшего серого кролика.

Затем лодка снова погрузилась в туман, повернув к другому

берегу, где они были в безопасности от сторожей.

Теперь казалось, что эти два человека просто спокойно катаются по реке. Ружье исчезло под доской, служившей ему прикрытием, а кролик – за оттопыренной блузой Шико.

Через четверть часа Лабуиз спросил:

– Ну, сестрица, еще одного?

Мальшон ответил:

– Ладно, поехали.

И лодка снова поплыла, быстро спускаясь по течению. Густой туман, висевший над рекой, начал подниматься. Как сквозь кисею, можно было уже рассмотреть деревья на берегу; разорванный туман уносило по течению маленькими облачками.

Приблизившись к острову, оконечность которого лежит против Эрблэ, гребцы замедлили ход лодки и снова начали высматривать добычу. Вскоре был убит и второй кролик.

Они продолжали плыть вниз по течению, пока не оказались на полпути до Конфлана; здесь они остановились, пришвартовав лодку к дереву, и заснули, улегшись на дно.

Время от времени Лабуиз приподнимался, озирая окрестность своим открытым глазом. Остатки утреннего тумана испарились, и лучезарное летнее солнце всходило в голубом небе.

На другом берегу полукругом тянулся косогор, покрытый виноградниками. Одинокий домик подымался на его вершине среди группы деревьев. Все было погружено в молчание.

Но на дороге вдоль реки, где тянули бечеву, что-то медленно приближалось, еле-еле двигаясь. Это была женщина, тащившая за собой осла. Животное, с одеревеневшими суставами, неповоротливое и упрямое, время от времени выставляло вперед одну ногу, уступая усилиям своей спутницы, когда оно не могло уже ей противиться; вытянув шею, опустив уши, осёл подвигался настолько медленно, что трудно было и представить себе, когда же наконец он скроется из вида.

Женщина тянула осла, согнувшись вдвое и время от времени оборачиваясь, чтобы подхлестнуть его веткой.

Лабуиз, увидев ее, произнес:

– Эй, Малыши!

– Чего еще?

– Хочешь позабавиться?

– Конечно.

– Ну, так встряхнись, сестрица, уж мы с тобой посмеемся.

И Шико взялся за весла.

Когда они переехали реку и очутились против женщины с ослом, он крикнул:

– Эй, сестрица!

Женщина перестала тащить свою клячу и оглянулась. Лабуиз продолжал:

– Ты что, на ярмарку паровозов идешь, что ли?

Женщина ничего не ответила. Шико продолжал:

– Эй, скажи-ка, не получил ли твой осёл приза на бегах? Куда ты ведешь его, что так спешишь?

Женщина наконец ответила:

– Я иду к Макару, в Шампью, чтобы его там прикончили. Он уж никуда не годится.

Лабуиз ответил:

– Верю. Сколько же Макар тебе за него даст?

Женщина вытерла рукой лоб и нерешительно ответила:

– А почему я знаю? Может, три франка, может, и четыре.

Шико воскликнул:

– Даю тебе за него сто су, и путешествию твоему конец, а это чего-нибудь да стоит.

Женщина, подумав немного, произнесла:

– Ладно.

И грабители причалили.

Лабуиз взял животное за повод. Мальош в удивлении спросил:

– Что ты будешь делать с этой шкурой?

Но тут Шико открыл и другой глаз, чтоб лучше выразить свое удовольствие. Все его красное лицо гримасничало от радости; он прокудахтал:

– Не бойся, сестрица, уж я придумал штуку.

Он отдал женщине сто су, и она присела на краю канавы, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Тогда Лабуиз, в отличном настроении, достал ружье и протянул его Мальошону.

– Каждому по выстрелу, старушка моя, мы поохотимся на крупную дичь, сестрица, да только издали, черт возьми, а то ты с первого же раза убьешь его. Надо немножко продлить удовольствие.

И он поставил своего компаньона в сорока шагах от жертвы. Осёл, чувствуя себя на свободе, попробовал щипать высокую прибрежную траву, но был до такой степени изнурен, что шатался на ногах и, казалось, вот-вот свалится.

Мальшон медленно прицелился и сказал:

– Внимание, Шико, Угостим его солью по ушам.

И он выстрелил.

Мелкая дробь изрешетила длинные уши осла, который стал сильно трясти ими, двигая то одним ухом, то другим, то одновременно обоими, желая избавиться от этого колющего ощущения.

Приятели хохотали до упаду, корчась и топая ногами. Но женщина в негодовании бросилась к ним; она не хотела, чтобы мучили ее осла, и предлагала, охая, вернуть им сто су.

Лабуиз пригрозил вздуть ее и сделал вид, что засучивает рукава. Он заплатил, – разве не так? Значит, помалкивай. А то он пустит ей заряд под юбки, чтобы доказать, что этого и не почувствуешь.

И она ушла, угрожая жандармами. Они долго еще слышали, как она выкрикивала ругательства, и брань ее становилась тем отборней, чем дальше она уходила.

Мальшон протянул ружье компаньону.

– Твой черед, Шико.

Лабуиз прицелился и выстрелил. Осёл получил заряд в ляжки, но дробь была мелка, стреляла на большом расстоянии, и он, вероятно, подумал, что его кусают слепни, потому что с силой принялся обмахиваться хвостом, ударяя им себя по спине и по ногам.

Лабуиз уселся, чтобы посмеяться вволю, между тем как Мальшон снова зарядил ружье и при этом так хохотал, что казалось, будто он чихает в дуло.

Он приблизился к ослу на несколько шагов и, целясь в то же самое место, что и его компаньон, снова выстрелил. На этот раз животное сделало большой скачок, начало брыкаться и махать

головой. Наконец проступило немного крови. Осёл был ранен. Он почувствовал острую боль и пустился бежать по берегу медленным хромающим и прерывистым галопом.

Оба человека бросились за ним в погоню: Мальшон — крупным шагом, Лабуиз — торопливыми шажками, той рысцей, которая вызывает одышку у низкорослых людей.

Но осёл, обессилев, остановился и бессмысленным взглядом смотрел на приближающихся убийц. Затем он вдруг вытянул голову и принялся реветь.

Лабуиз, запыхавшись, поднял ружье. На этот раз он подошел совсем близко, не желая пускаться еще раз в погоню.

Когда осёл прекратил свою скорбную жалобу, походившую на призыв о помощи, на последний предсмертный крик, человек, придумав что-то, крикнул:

— Эй, Мальш, сестрица, подойди-ка сюда, я дам ему выпить лекарства.

И когда Мальш силой открыл зажатый рот животного, Шико, всунул в глотку осла дуло ружья, как будто собираясь влить ему лекарство. Затем он сказал:

— Эй, сестрица, смотри, я вливаю ему слабительное.

И он спустил курок. Осёл попятился шага на три, упал на круп, сделал попытку подняться и наконец, закрыв глаза, повалился на бок. Все его старое, ободранное тело трепетало, а ноги дергались, как будто он хотел бежать.

Поток крови хлынул у него между зубов. Вскоре он перестал шевелиться. Он издох.

Оба человека не смеялись больше, все кончилось слишком быстро, и они чувствовали себя обокраденными.

Мальшон спросил:

— Ну, а что же нам теперь с ним делать?

Лабуиз ответил:

— Не бойся, сестрица, стащим-ка его в лодку; мы еще посмеемся сегодня ночью.

И они отправились к лодке. Труп животного был положен на дно, покрыт свежей травой, и, растянувшись на нем, бродяги снова заснули.

Около полудня Лабуиз вытащил из потайного ящика источенной

червями грязной лодки литр вина, хлеб, масло, лук, и они принялись за еду.

Покончив с обедом, они опять улеглись на мертвом осле и заснули. В сумерки Лабуиз пробудился и, расталкивая приятеля, который храпел, как орган, скомандовал:

– Ну, сестрица, поехали.

Грести стал Мальошон. Они не спеша подымались вверх, по Сене, так как в их распоряжении было довольно времени. Они плыли вдоль берегов, покрытых цветущими водяными лилиями, напоенных ароматом боярышника, белые кисти которого свешивались к воде; тяжелая лодка илистого цвета скользила по большим плоским листьям кувшинок, сгибала их бледные круглые цветы, вырезанные в форме бубенцов, которые снова затем выпрямлялись.

Возле Эперонской стены, отделяющей Сен-Жерменский лес от парка Мэзон-Лафит, Лабуиз велел своему компаньону остановиться и изложил ему свой план, который вызвал у Мальошона продолжительный и беззвучный смех.

Они выбросили в воду траву, покрывавшую труп, взяли животное за ноги, вытащили из лодки и спрятали в чаще.

Снова сев в лодку, они достигли Мэзон-Лафита.

Стояла уже непроглядная тьма, когда они вошли к дяде Жюлю, трактирщику и виноторговцу. Едва увидев их, он подошел к ним, пожал руки, присел к их столу, и они начали болтать о том, о сем.

Часов в одиннадцать, когда ушел последний посетитель, дядя Жюль сказал Лабуизу, подмигивая:

– Ну, есть что-нибудь?

Лабуиз качнул головой и произнес:

– Может, есть, а может, и нет, все возможно.

Трактирщик приставал:

– Серые, верно, только одни серые?

Тогда Шико, засунув руки за пазуху шерстяной блузы, показал оттуда уши одного из кроликов и заявил:

– Это стоит три франка за пару.

Началось долгое препирательство из-за цены. Сошлись на двух франках шестидесяти пяти сантимах. Оба кролика были проданы.

Когда мародеры встали, дядя Жюль, наблюдавший за ними, сказал:

– У вас еще что-то есть, да вы говорить не хотите.

Лабуиз ответил:

– Может, и есть, только не для тебя; очень уж ты выжига большой.

Загоревшийся трактирщик настаивал:

– Ага, что-то крупное, ну, скажи что, можно и столковаться.

Лабуиз, как будто в нерешительности, сделал вид, что он советуется взглядом с Мальошоном; затем медленно ответил:

– Вот какое дело. Мы сидели в засаде возле Эперона, и вдруг что-то пробежало мимо нас в ближайших кустах, слева, где стена кончается. Мальошон выстрелил, и оно упало. Мы удрали, потому что там сторожа. Не могу тебе сказать, что это такое, потому что не знаю. Крупное-то оно крупное. Но что? Если бы я сказал тебе, я бы обманул тебя, а ты знаешь, сестрица, между нами все начистоту.

Торговец, волнуясь, спросил:

– Не косуля ли это?

Лабуиз ответил:

– Может быть, она, может, что другое. Косуля?.. Да... Но не покрупнее ли это немного? Будто вроде как лань. О, я не говорю, что это лань, ведь я не знаю, но очень может быть!

Трактирщик настаивал:

– А может быть, олень?

Лабуиз вытянул руку.

– Это нет! Что до оленя, так это не олень, не буду тебя обманывать, не олень. Его бы я признал по рогам. Нет, что до оленя, так это не олень.

– Почему вы не взяли его? – спросил трактирщик.

– Почему, сестрица? А потому, что мы теперь продаем на месте. Я охотник. Понимаешь, пошатаешься, кое-что отыщешь, чем-нибудь поживишься. А для меня никакого риска. Вот!

Кабатчик недоверчиво произнес:

– А если его там уже больше нет?

Но Лабуиз снова поднял руку:

– Что оно там, это наверняка; ручаюсь тебе за это, клянусь, что там. В первых кустах налево. Но вот что это такое, не знаю. Знаю, что это не олень, это нет, тут я уверен. Ну, а

насчет всего прочего, это уж твое дело пойти и посмотреть. Двадцать франков на месте, подходит тебе это?

Трактирщик все еще колебался.

– Ты не мог бы принести сюда?

Мальшон вмешался в разговор:

– Тогда без риска. Если это косуля – пятьдесят франков; если лань – семьдесят; вот наши цены.

Харчевник решился:

– Идет за двадцать франков. Решено.

И они ударили по рукам.

Затем он вынул из конторки четыре больших монеты по сто су, и друзья опустили их в карманы.

Опорожнив свой стакан, Лабуиз встал и вышел; исчезая в темноте, он обернулся и подтвердил:

– Это не олень, будь уверен. Но что?.. А уж оно там, это верно. Я тебе деньги обратно отдам, если ничего не найдешь.

И он исчез в ночной темноте.

Мальшон, выйдя вслед за ним дубасил его по спине кулаком, чтобы выразить свое ликование.

* * *

Напечатано в «Голуа» 15 июля 1883 года под заглавием «Славный денек» («Le bon jour»).

Луи Ле Пуатвен (1847 – 1909) – французский художник, кузен Мопассан, сын поэта-романтика Альфреда Ле Пуатвена, друга юности Флобера.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод И. Смидович. Heкаýalar